

НАТАЛИЯ ТЕРЕНТЬЕВА

ТВОЯ ЗВЕЗДА

Наталья Терентьева
Твоя звезда
Серия «Золотые небеса»

Текст предоставлен правообладателем

<https://litres.ru/31210766>

Твоя звезда / Наталья Терентьева: АСТ; Москва; 2020

ISBN 978-5-17-120779-3

Аннотация

Когда девушка, похожая на светлого ангела, которому пришлось временно снять крылья, надеть джинсы и бороться с несправедливостью мира более земным путем, ангела, который стал беззащитным, потому что не может взять и улететь из этого неправильного мира к себе, в свою прекрасную даль, подходит к тебе и спрашивает, все ли у тебя в порядке, – как ответить? Как ответить, если ты потерялся и больше не можешь найти ни своей дороги, ни самого себя? Актерская слава оказалась недолговечной и не принесла ничего, кроме разочарования. Работа у «звездного» режиссера словно поставила черную метку на карьере Степы Василькова. Что-то должно вытянуть его из пустоты и одиночества – неожиданная встреча, люди, которые живут совсем другой жизнью, сильная женщина, у которой есть огромная власть, новое, хорошее дело, в котором есть смысл. Или новая, настоящая любовь, которая заставит по-другому дышать и

жить.</p> <p><emphasis>Все события и персонажи этого романа
вымышлены, любые совпадения случайны</emphasis></p>

Наталия Терентьева

Твоя звезда

Я с небес опустился на землю...

А на целой земле – ни души.

Андрей Шигин

– С праздничком! – Сосед улыбался и явно хотел поговорить.

Он только вышел с собакой, погода с утра была отличная, небо чистое, вернулось лето, как будто и не уходило нас всем еще пару дней назад. Как будто не дул ледяной ветер, не стыла земля под ногами, не сыпались листья, не мерзли уши, не лезла в голову всякая муть о том, что все тленно, все бренно и как-то слишком быстро превращается в прах.

Степа кивнул и побыстрее прошел в подъезд. С каким праздником поздравляет его сосед? Что сегодня может быть? Курбан-байрам? Третий города варит с пяти утра баранину и молится. Движение перекрыто, потому что на тротуарах перед мечетью все не поместились, сели на проезжую часть, и не стонишь – неудобно, чувства верующих – дело тонкое, особенно – горячо верующих, с кинжалом в руке... Но он-то не мусульманин. Трудно заподозрить спокойного светловолосого Степу Василькова, уроженца маленького среднерусского городка, в том, что он тайный приверженец ислама. Тогда что? С чем можно сегодня поздравлять?

Степа зашел в лифт, пряча за спину пакет с бесстыдно торчащей из него бутылкой, потому что из лифта вышла соседка с другого этажа, симпатичная, быстрая, длинноногая Вера... Не то чтобы она ему нравилась, но... если не врать себе... Да, нравилась – время от времени, особенно когда ходила не одна, а с сыном. Почему так, Степа понять не мог. Но одна Вера была обычная, деловая, сосредоточенная, уставшая или спешащая по делам. Жесткая. Бухгалтерша или юристка. Или менеджер по работе с менеджерами. А рядом с сыном в ней появлялось что-то мягкое, неуловимое, невероятно приятное. Хотелось смотреть на нее и смотреть, ловя легкий аромат волос... или духов... или ванильного печенья, нежного, рассыпчатого, таявшего во рту – в детстве, разумеется. Всё печенье растаяло во рту в детстве, вместе с глупыми мечтами. Степа мечтал быть регулировщиком – чтобы все машины в мире подчинялись только ему, так казалось маленькому Степе. Чтобы быть важнее светофора.

Сейчас Вера вышла как раз с сыном. И с огромным букетом. Желтые, оранжевые, белые цветы... Лилии, розы, хризантемы, обернутые в красную мешковину.

Мальчик, едва достававший Степе до пояса, взглянул на него, вытаращил глаза и громким шепотом сказал матери: – Я же тебе говорил! Это он!

Понятно. Посмотрел фильм. Это волна, которая будет катиться еще неизвестно сколько. Сначала посмотрели все – так казалось. Все здоровались, или просто смотрели, или

оглядывались, или бежали следом и хотели знакомиться. Сто человек за день, двести, триста... Потом это как будто прошло. Пару месяцев было затишье, а потом началось снова, но толчками и урывками. Фильм нашумел и сошел с экранов, так быстро, как сейчас обычно сходят все фильмы. И люди начали смотреть его в Интернете. То один, то другой... Этот мальчик прекрасно знал Степу как соседа – Степа въехал в этот дом год назад, получив гонорар за фильм и взяв еще кредит. Но мальчик, наверное, в каникулы посмотрел фильм. Каникулы, да... Букет... «С праздником!» Первое сентября. Сегодня первое сентября? Счет дням потерян. Нет, Степа так уж не пьет... И бутылку с утра купил случайно, вышел за банкой кофе, а купил армянское гранатовое вино... Зачем купил? Просто так. Приготовит мясо... Вот как раз к празднику. Или не приготовит... День знаний... Все что-то знают, чего не знает он, Степа, поэтому он идет домой, а не на работу. Вот пропустил начало осени, просчитался... Думал, еще неделька лета есть... А к чему считать дни, если все равно идти некуда? Иногда включишь телевизор и поймешь – ага, сегодня суббота. Потому что идет передача «Субботний вечер», на который Степу приглашали – даже два раза. И он сидел, как свадебный генерал. Спрашивать его толком ничего не спрашивали, но людям показывали – это был пик славы фильма и его лично, Степы Василькова.

Степа зашел в лифт, слыша, как мать мальчика сказала тому:

– Застегнись!

Кто бы Степе сказал «Застегнись, причешись, соберись...» Да, главное – соберись. Степа взглянул на себя в небольшое зеркало на стене лифта. Нормально. Выглядит он вполне нормально. Это все оттого, что он не может пить, как обычный русский человек. Сильный, двужильный, простой, который пьет водку стаканами и не падает, тем более не плачет от первого же стакана. Отец прав – есть в нем какие-то чужие гены. Отчего он так вырос? Нет больше среди их родственников такого высокого и крупного человека. У Степы кость неширокая, мослов нет. Он весь как будто из другого мира – где живут люди, средний рост которых около двух метров. И Степа там, в том мире, вполне среднего роста и обыкновенной комплекции.

Замок открылся не сразу. Надо чинить замок. Надо чинить входную дверь – она отчего-то просела, чтобы закрыть, надо приподнять. Новый дом, покосило, наверное... фундамент поплыл... прямо как в его собственной жизни... Надо чинить на кухне окно, оно открывается ветром, если оставить полуприкрытым... Вот опять ночью открылось, упал большой керамический кот, у него отломился хвост... Кота подарили на фестивале – всей съемочной группе дарили кубки и ценные подарки, а ему – разноцветного кота... Надо чинить кота, такой симпатичный глазастый кот... Надо чинить свою жизнь. Но как?

Степа откупорил бутылку. Если пить в день по полстакана

сухого вина, то будешь здоровым, как горец-аксакал. А если пить по две бутылки? Армянского крепленого... То будешь веселым, как Степин приятель Боря, который, не выпив, не садится за руль и не выходит на площадку сниматься. Реакция не та – говорит Боря. Боря работает в театре, много снимается, играет мелких жуликов и подонков и очень востребован. Внешность у него никакая, поэтому он может играть кого угодно. А Степа слишком хорош... «Слишком хорош» – сколько же раз он это слышал за свою жизнь!

Когда ему позвонили три года назад и напористая женщина пригласила его на пробы к Мазорову, Степа не поверил своим ушам. До этого он один раз пробовался для рекламы и один раз – на роль неопытного следователя. Не прошел ни туда, ни туда. Из-за роста – все казались маленькими рядом с ним, а также из-за того, что он слишком, неприлично хорош – так объяснила ему ассистентка на рекламе и пригласила на кофе.

– А роль какая? – спросил Степа, хотя, слыша фамилию «Мазоров», можно и не спрашивать. Зовут – и ура. Беги бегом, пока не передумали. Там, где Мазоров, – деньги и слава, мгновенная, на всю страну.

– Нормальная роль, – усмехнулась в трубку пожилая по-мреж. – Тебе понравится. Ты тридцатый. Двадцать девять уже не подошли.

Степа с детства привык к тому, что серьезно к нему относится мало кто. Когда в пятнадцать лет он за лето вырос на

тридцать сантиметров, а за следующую зиму еще на сорок и стал выше всех, выше отца, выше физрука в школе, бывшего волейболиста, тем более выше всех мальчиков в классе, он стал предметом всеобщих насмешек. Потом постепенно многие мальчики в классе подтянулись за ним, кто-то даже обогнал. Рост его оказался в пределах нормы, но смешки не прекратились, хотя к десятому классу оказалось, что Степа не просто высокий, а еще красивый и отлично сложен.

Первой обнаружила это его учительница по английскому. Степа долго не мог понять, почему она то и дело оставляла его после уроков, когда он так хотел есть. Есть он хотел постоянно, еле дожидался перемены. Мать готовила хорошо, и еды в доме всегда было достаточно, но к Степе голод возвращался сразу, как только пролетал обед или завтрак. Степа улыбался и англичанке, которая положила на него глаз, и девочкам, толкшимся рядом, и подсмеивающимся пацанам. Его трудно было обидеть или разозлить.

Когда Степа подросток и стал пытаться анализировать свои отношения с окружающим миром, не всегда гладкие и понятные, он в один момент решил, что у него есть какой-то сломанный ген. Тот, что отвечает за выживание и злость. Потому что с добром идти на тех, кто над тобой смеется или даже пытается унижать и травить, – это абсурд и самоубийство. А что делать, если у него нет обиды и зла? Если он видит, что мальчики, подтрунивающие над ним, прыщавы и плохо сложены, у них короткие ноги, толстые шеи, носы плюшками,

уши торчком... Поэтому их раздражает и задевает Степино превосходство. В чем оно? В чем? – пытался понять Степа. Ну нет прыщей, ну волосы слегка выются, никогда не пачкаются, гладкая, чистая кожа, белые, ровные, плотно стоящие зубы, чуть большеватый рот, словно нарисованный, как будто кто-то сидел и прорисовывал, прорисовывал – и рот, и брови, и ресницы... И что? Что-то было в Степе такое, что заставляло девочек, женщин идти к нему, как будто их звали. Что? «Ты красивый, – терпеливо объясняла ему мать, когда он стал взрослеть. – Красивый, понимаешь? Ничего хорошего в этом нет. Но ты получился очень красивым. В каком-то смысле это беда».

Степа смотрел на свою мать, на ее тонкое лицо, милое, доброе, усталое, на шею с тремя родинками, на вечные голубые бусики, кивал и... не понимал. Почему «беда»? И что такое «красивый»? Мало ли кто красивый. Директор их школы тоже красивый – высокий, статный, с ровными пышными усами, широкими плечами... А от него взяла и ушла жена. И он после этого словно взбесился. То вдруг вышел на школьном концерте в черной майке с черепом и стал играть на гитаре и очень плохо петь песню собственного сочинения... Песня называлась «Сильнее!». В ней говорилось о том, что если хочешь быть сильным, надо только стать сильнее, чем ты был вчера, и тогда завтра ты будешь сильнее, чем сегодня... То попробовал выгнать трех учительниц, как говорили, тех, кто знал его жену и дружил с ней. Учительни-

цы пожаловались на него, и его чуть самого не сместили... То вдруг взял и обрился наголо и стал приходить в школу раньше всех, отжиматься на спортивной площадке. Все шли в школу, а директор отжимался, отжимался... не обращая ни на кого внимания... Школьники делали ставки, спорили, проигрывали, выигрывали – на то, на каком разу отжимания директор охнет, на каком – крикнет, на каком упадет на землю и сколько будет лежать. Или вскочит сразу и побоксирует. Хрясть, хрясть... в воображаемого врага...

Полгода школа была вся перебудоражена. А потом к директору вернулась жена, он отрастил волосы, сбрил усы, быстро растолстел, но всё равно оставался красивым. К нему липли женщины, и как говорили мальчишки, любившие сплетничать не меньше девочек, – небезосновательно липли. То одна, то другая молодая учительница якобы задерживалась в его кабинете допоздна. Горел свет допоздна, мелькали за окном, занавешенным плотными жалюзи, тени... Мстил жене за позор и унижение...

Степа в таких сплетнях участия не принимал и верить в них не хотел. Так же как и в свою необыкновенную красоту и те беды, которая она может ему принести.

Степа подошел к окну. Квартиру он купил в кредит, так не хочется об этом думать, вообще не хочется ни о чем думать, особенно о том, что никак не решается. Но вот уже четыре месяца он кредит не выплачивает, потому что денег

больше нет. То, что заплатили ему за съемки, давно закончилось, потом он получал какие-то приличные суммы – за три рекламы, одна глупее и стыднее другой. От четвертой, где ему предложили рекламировать шоколад, лежа на спине в одних трусах, а на его животе партнерша по рекламе должна была рисовать растаявшим шоколадом значок знаменитой шоколадной фабрики, он отказался. И как-то после этого предложения иссякли. Мазоров заканчивает свой новый фильм, повсюду его уже бурно рекламируют, а про предыдущий все как будто и забыли.

Деньги, деньги... «Сынок, художник должен быть бедным! А то пузо заслонит тебе жизнь! Зачем тебе столько денег? Вот мы живем, нам хватает – на еду, на книжки, на бензин», – сказал ему отец, когда Степа приезжал навестить родителей прошлым летом. В это лето так и не выбрался... А что он скажет родителям? Что скажет любопытным соседям? Ходить по родному городку знаменитым актером, как два года назад, когда фильм был в прокате? Уже прошлым летом все только и спрашивали: «Ну, где снимаешься? Когда следующий фильм?» Он же их не спрашивал, где они снимаются и как у них дела на работе...

Степа налил полный стакан вина, поставил перед собой. Он всегда завидовал тем ребятам, которые могли легко выпить по полбутылки водки и при этом ровно держаться, не падать, не шататься, не плакать, не лезть на стену. Степа же, выпив, терял внутри точку опоры. Мир шатался вокруг него,

всё рассыпалось в голове, собрать в одну кучу мысли и чувства он не мог и страшно расстраивался от этого. Чем больше он пил, тем сильнее было расстройство. Мучительно горькие мысли наваливались на Степу, окутывали его, сердце начинало разрываться от тоски и невыносимой горечи. Потом он засыпал и, проснувшись, помнил, как ему было тошно и пусто. Как жизнь казалась бессмысленной и тусклой. И после этого он долго не пил вообще. В мире театра и кино это очень неудобное свойство. Выпивая, люди обсуждают новые планы. В теплой компании рождаются идеи новых проектов, тот, кто не хочет пить, автоматически становится аутсайдером. Конечно, от Степы никаких новых идей не требовалось, его лицо и фигура – сами по себе богатство. «Абсолютный герой!» – как сказал, по-дружески усмехнувшись, Мазоров, когда Степа первый раз, стесняясь, вошел в комнату, где собрались продюсеры, оператор и сам Мазоров, чтобы со всех сторон разглядеть его, поскольку предыдущие двадцать девять актеров не подошли.

Степа так отчетливо помнил этот момент. День был хороший, солнечный, Степа шел по улице и улыбался – просто так. И люди улыбались ему в ответ. Он не знал, чем закончится встреча, скорей всего ничем. Поверить, что его утвердят на главную роль в новом фильме Мазорова, было невозможно. В театральный, правда, он поступил сразу, перед этим окончив ремесленное училище, единственное, которое было в их городке с населением тридцать тысяч чело-

век, и отслужив в армии.

Поступать Степа ехал без особой надежды, программу подготовил сам, никому ее не показывал. Откуда и когда возникло это желание – стать актером – он и сам не мог себе объяснить. Мать его была учительницей, отец – инженером-технологом на заводе, изготавливающем пиво и квас. Завод был построен еще в советские времена, за последние двадцать лет хозяева его поменялись раз семь. Говорили, что последний хозяин получил их заводик в счет карточного долга. Заводик выживал еле-еле, но отец не уходил с работы и надеялся, что Степа когда-то будет работать на его месте.

Степа же в один прекрасный день взял сумку, бросил в нее свитер и зубную щетку и отправился в Москву, благо что при желании можно было обернуться в тот же день, даже без ночевки. Он решил для себя так: если в первом вузе, куда он придет поступать, ему скажут: «Вы нам совсем не подходите», он повернется и уедет домой, обратно. И никто не узнает, зачем и куда он ездил.

Но все вышло не так. В первом вузе он с утра занял очередь на прослушивание и прошел лишь к вечеру. Из десяти человек, которых прослушивали вместе с ним, фамилию прошедшего на следующий тур назвали только одну: «Васильков». Степу позвали в комнату, где проходило прослушивание, и усталая дама лет пятидесяти пяти спросила его: – Еще показываться куда-то будешь?

Степа неопределенно пожал плечами и улыбнулся.

– В школе двоечником был? – неожиданно продолжила дама.

– Нет, – удивился Степа. – Почему?

– Ладно. Неважно. Не ходи больше никуда. И программу поменяй. Тебя возьмут. Только не трепись об этом с остальными. Подготовь Блока «Двенадцать», отрывок найди какой-нибудь поярче, и прозу Достоевского, из «Идиота». Там, скажем... сцену Мышкина с Аглаей или лучше монолог о времени...

– Я похож? – удивился Степа.

– Да, ты похож на идиота, и в прямом, и в литературном смысле, – улыбнулась дама. – Каждый представляет Мышкина по-своему. Я – так. Делай, что говорят.

– Хорошо.

– Ну-ка, скажи четко «сестринский».

– Сестринский... – повторил Степа, не понимая, к чему она клонит.

– Понятно, я думала, ослышалась или нет... Ладно. Научим, это исправляется...

Степа, обескураженный, кивнул и ушел, даже не узнав, выйдя из аудитории, фамилию дамы. Не похоже было, что она к нему подкапывается, как англичанка, намерения которой со временем прояснились, и как некоторые другие дамы и девушки, но поверить до конца он ей не решился. «Возьмут...» Мало ли что бывает!

Домой он уже не успевал, позвонил родителям, сказал,

что задержится у друга, уехавшего в Москву на заработки. «Ох, сынок...» – только и сказала мать, и не предполагавшая, где сейчас Степа. Он решил до поры до времени ничего не говорить зря родителям. Общежития на первых прослушиваниях не давали, ночевать ему пришлось на вокзале, это было неудобно и неприятно. В три часа его разбудили охранники, потребовали билет и документы. Пару раз к нему подсаживались странные личности, колобродившие по вокзалу всю ночь, предлагали выпить и просили денег. Сна практически не было. Но Степа утром умылся в туалете, почистил зубы, причесал рукой волосы, пожалев, что не взял с собой чистую рубашку и забыл про расческу, и поехал в другое театральное училище. Поверить, что в Щукинское – а вчера было именно оно – его взяли с одного прослушивания, он и утром не мог. Конечно, та дама четко сказала: «Тебя возьмут...», но кто она? Может быть, и никто. Степа ее не знал, в фильмах никаких не видел, на профессора она не очень похожа... Хотя как должен выглядеть профессор, преподающий актерское мастерство, Степа не знал.

Дальше он пошел в Щепкинское, где прослушивание вел известный актер, снимающийся в популярном сериале. Степа начал читать стихи Есенина, которые выучил для поступления, споткнулся под внимательным ироничным взглядом известного актера, и... забыл слова напрочь. Бессонная ночь дала себя знать. В голове гулко перекатывались три последних слова «стихов моих грусть, стихов моих грусть...» По-

чему-то ныли ухо и зуб с той же стороны, продуло, наверное, ночью.

– Ну и...? – спросил известный актер, постукивая огрызком ярко-оранжевого карандашика по столу. – А дальше что?

– Забыл, что дальше, – честно ответил Степа.

Актер и еще две женщины, слушавшие вместе с ним абитуриентов, засмеялись. Степа смутился. Так часто бывает. Он говорит абсолютно серьезно о важных вещах, а люди смеются, не зло, наоборот, с приятной и симпатией. Но как себя при этом вести Степе – совершенно непонятно. Смеяться вместе с ними? Глупо. Молчать, насупившись? Еще глупее. Степа почувствовал, как краска стала заливать его щеки. Женщина, сидевшая справа от известного актера, что-то негромко сказала, наклонившись к нему. Тот кивнул, задумчиво рассматривая Степу.

– Откуда такой? – спросил актер. – Не из Москвы?

Степа помотал головой.

– Город большой у тебя? Издалека приехал?

Степа опять помотал головой.

– Неговорящий человек... Ну, это не беда, – усмехнулся актер. – Хуже, когда наоборот, как наш Хомячков был. – Он подмигнул женщинам. – Артистам разговаривать необязательно. Вышел, стоишь, молчишь, уже интересно... Значит, по адресу к нам пришел... Так... ну, давай еще что-нибудь. Проза какая у тебя?

– «Берег» Бондарева.

– Сцена какая?

– Там... размышление...

– Не надо. А басня какая?

– «Волк и Ягненок».

– А тебе кто больше нравится? – неожиданно поинтересовалась вторая женщина. – Волк или ягненок?

Степа растерянно пожал плечами.

Актер что-то негромко сказал, Степа не разобрал, обе преподавательницы кивнули, внимательно его разглядывая, одна даже сменила очки. Актер сказал:

– Да!.. Так, и тем не менее. Договори хоть один текст до конца. А то, может, у тебя памяти совсем нет!.. Ну, давай, смелей!

Степа начал читать басню, актер замахал на него руками.

– Стой! Что за буква «с»? Ты специально так жужжишь или дефект?

– Не знаю... дефект, наверное, – неуверенно ответил Степа.

Члены приемной комиссии переглянулись.

– Ясно. Ладно, иди.

Степа вышел, абсолютно уверенный, что здесь его не пропустили на следующий тур. Задержался случайно, потому что его облепили девочки и стали наперебой спрашивать, что было, они слышали из-за двери обрывки разговоров. Через пятнадцать минут дверь аудитории открылась, и девушки

ка прочитала список из двух человек, прошедших из двух десятков абитуриентов на следующий тур: прошла очень толстая девушка с длинной пшеничной косой и он, Степа.

Ободренный и расстроенный одновременно – как он мог забыть стихотворение, которое так отлично знал? – он поехал еще в Школу-студию МХАТ. Там всё практически повторилось. Стихотворение ему до конца дочитать не дали, попросили произнести фразу, где были одни «с»: «У Сени и Сани в сенях сом с усами». Степа, путаясь, кое-как повторил скороговорку.

– Ужас, – сказал тот, кто сидел в центре. – Но ты нам нравишься. Животное какое можешь показать?

– Зайца, – ответил Степа, чуть подумав.

Комиссия из трех человек и пара студентов, помогавших со списками абитуриентов, захохотали. Степа тоже стал смеяться.

– Ну какой ты заяц? Ты себя в зеркало видел?

Степа кивнул.

– Давно? А то ты нечесаный. Нечесаный... гм... Аполлон, который думает, что он заяц.

И все снова засмеялись.

– Я на вокзале ночевал, – негромко сказал Степа, подождав, пока они отсмеются, и понимая, что выглядит очень плохо. – Я бродячую собаку могу показать.

– Ладно! – махнул на него рукой тот, кто сидел в центре. – Занимался где-нибудь в театральном кружке?

– Нет.

– Это хорошо. Петь умеешь?

Степа кивнул.

– Пой.

Степа подумал и завел русскую народную «Выйду на улицу...» Комиссия замахала на него руками.

– Хватит! – хохоча от души, попросил главный и сказал что-то негромко остальным. Те согласно заулыбались. – Танцуешь?

– Ну да...

– Так же?

– Получше.

– Вот и хорошо. Подойди поближе. Ты куда еще пойдешь?

Степа неуверенно пожал плечами. Как быть в такой ситуации? Врать неприятно, что хотят от него – не совсем понятно. Все ведь абитуриенты ходят с прослушивания на прослушивание, туда-сюда, где больше повезет. Стоя накануне в очереди в Щепкинском, он слушал разговоры и понял, как надо.

– Что? Везде бегаешь? Не бегай. Сюда сдавай документы, мы тебя сразу на третий тур пишем, ясно? Программу только поменяй.

– «Идиота» взять? – спросил Степа.

– Почему «Идиота»? Ну, можно и «Идиота»... Нет, почитай что-нибудь Довлатова. Со смыслом так, остренько... Хорошо?

– Нет. – Степа помотал головой.

– В смысле – «нет»? – удивился главный. – Не знаешь Довлатова?

– Знаю. Он мне не нравится.

Главный отмахнулся:

– Ерунду не говори. Актер – белый лист. Сразу запомни это. Что напишут тебе, то и будешь говорить. И никто твоих «нравится – не нравится» не спросит. Вот станешь народным, тогда будешь всем про свои литературные вкусы и политические убеждения рассказывать. Интервью давать, на митинги ходить, махать красными или белыми флагами. В Думе за большие деньги кемарить и фотографироваться. А пока делай, что говорят.

Степа кивнул, но решил, что сюда он точно не пойдет. Атмосфера здесь не очень. Ведь получается, что ему уже есть из чего выбирать. Оставались еще ВГИК и РАТИ, Театральная академия, которую все девочки (абитуриенты оказались в основном девочками) называют почему-то ГИТИСом. Степа прикинул, что до конца дня он успеет лишь в одно место, пошел в ГИТИС, до которого по центру Москвы легко было дойти пешком. Без навигатора в телефоне Степа запутался бы, на телефоне у него кончились деньги, но за ним увязались две девчушки, которые щебетали всю дорогу, наперебой пытаясь ему понравиться. По дороге они перекусили в кафе, Степа взял себе только чай, но девушки от души угощали его булочками и даже купили ему салат. Степа от-

бивался до последнего, убеждая девочек, что сыт и на еду смотреть не может, но когда одна из них решила выбросить то, что они, оказывается, купили ему, Степа, чувствуя себя ужасно, быстро всё съел, пообещав себе больше никогда так не делать.

В Театральной академии курс набирала известная пожилая актриса, Степа хорошо помнил старые фильмы с ее участием, их любила мать. Актриса мало изменилась, постарела, но была очень похожа на себя молодую.

– Какой ты... – хмыкнула актриса, с интересом разглядывая Степу. – Из театральной семьи?

– Нет.

– Жаль. А я думала ты... Ну, неважно. Похож просто. Ну, читай.

Степа начал с Есенина, быстро сбился, попытался читать заново.

– Ладно, – остановила его актриса. – Монолог какой-нибудь знаешь?

– Я отрывок из Бондарева готовил...

– Сам готовился? – прищурилась актриса. – Это хорошо.

– Почему? – искренне удивился Степа.

Актриса улыбнулась.

– Хуже нет, когда из кружков приходят. Их сразу видно. Детей жалко, такие умельцы испорченные-перепорченные... «Я и так умею, я и то вам покажу...» А внутри – пустота. Пустые кривляки. Так, ну-ка, отойди подальше. Еще, еще даль-

ше... Вот так, у окна встань, да. Покричи что-нибудь, позови меня.

– А... – растерялся Степа. – Как вас зовут?

– Ты не знаешь, как меня зовут? – усмехнулась актриса.

– Я... я отчества не знаю, – нашелся Степа.

– Григорьевна, – подсказал ему кто-то. – Людмила Григорьевна.

– Да не надо по имени! – отмахнулась та. – Просто кричи, зови, чтобы я к тебе шла, кричи: «Э-э-эй! Сюда, иди сюда!» Можешь на «вы», если тебе проще так. Зови, как будто пожар, наводнение, как будто ты на крыше дома стоишь, а вода подступает, подступает, ну, давай!

Степа стал кричать, а все – смеяться.

– Хорошо, – сказала Людмила Григорьевна. – Всё, не надо больше. Да, дружок... И что нам с тобой делать? Деревянный ты топор. Даром что нигде не занимался. Но уж очень хорош. Ну, не стой там... м-м-м... – Актриса глянула в списки абитуриентов, лежавшие перед ней. – Степа Васильков... иди сюда, Степушка, присядь к столу. Во-он там стульчик себе возьми.

Степа подошел к столу комиссии вместе со стулом, но садиться на него не стал. Актриса подняла иронически брови, улыбнулась.

– Какой же ты... Лет сколько? В армии служил? Нет, наверно?

– Служил.

– В каких войсках?

– В морпехе, – с гордостью ответил Степа. Может, хватит уже смеяться над ним? Не то чтобы обидно, просто непонятно – что такого в нем смешного?

– Ты? В морской пехоте? Что, и отжаться можешь? – улыбалась актриса.

– Пятьдесят семь раз, – похвастался Степа.

– Отжимайся!

Степа в растерянности взглянул на актрису, лег на пол, стал энергично отжиматься.

– Всё-всё, хватит!.. Я пошутила же... Хватит ржать! – остановила она остальных. – Вот какой у нас Степушка молодец! – похвалила она так по-родственному, так по-доброму, что Степа решил: всё, больше никуда он не пойдёт. Если здесь возьмут, здесь и будет учиться.

– Степушка, а что же мы с твоим присюсюкиванием будем делать? Пятьдесят семь отжиманий – это хорошо, конечно, а говорить-то мы как будем? С логопедом заниматься обещаешь? Исправишь дефект?

Степа кивнул как можно увереннее.

– Вот и ладно. Лена! – подозвала актриса девушку, отмечавшую что-то в списках. – Пиши: Василькова сразу на творческий экзамен.

– На третий тур? – уточнила девушка.

– Я говорю тебе – на экзамен. Он уже прошел все туры. Вальс танцуешь? – подмигнула ему вдруг актриса.

Степа, не привыкший к таким резким переменам темы, к шуткам, похожим на серьезные вопросы, и наоборот, от растерянности не понял, что она спрашивает. Актриса встала и подошла к нему. Она оказалась довольно высокого роста, с очень хорошей фигурой для ее возраста, стройной, ладной. Людмила Григорьевна протянула ему руку.

– Лена, напой нам вальсок какой-нибудь! – кивнула она всё той же девушке.

Та неожиданно красивым густым голосом запела мелодию. Актриса взяла за плечо и за руку Степу и сама повела его. Степа раз наступил ей на ногу, два, три... Людмила Григорьевна засмеялась и остановилась.

– Да, ладно. Ничего. Пусть другие танцуют. Тебе можно просто так стоять и смотреть. Но я тебе этого не говорила! – Она шутливо щелкнула его по носу.

Степа уловил легкий горьковато-сладкий запах ее духов.

– Всё. На экзамен причешишь, нормально оденься... У тебя есть другая одежда? – понизила она голос.

Степа кивнул.

– Точно? – Актриса внимательно смотрела на него.

– Да. Дома. Я не в Москве живу.

– А деньги есть съездить домой?

Степа опять кивнул.

– Нет, послушай, ты, во-первых, давай-ка учись разговаривать, у тебя очень красивый голос. И если я тебя спрашиваю, я ведь что-то имею в виду. Так, как сейчас, приходите на

экзамен не нужно. Оденься хорошо, брюки или можно джинсы, если брюк нормальных нет, но чтобы чистенько, отутюжено... Рубашку светлую обязательно, никаких футболок... Тебе не идет бомжеватый стиль, ты – герой, понимаешь?

Она говорила негромко, но все замолчали и слушали ее. Степе было крайне неловко, как будто с ним договариваются о чем-то непопознанном, незаконном.

– Да, хорошо, я оденусь... – пробормотал он и поскорее выскочил из аудитории.

Когда он спускался по лестнице, его догнал молодой человек, всё время молча сидевший рядом с актрисой.

– Эй! – небрежно и громко окликнул он Степу. – Телефон свой давай.

Степа удивился, но достал из кармана телефон.

– Деньги всё равно кончились, – сказал он и протянул парню телефон.

– Ну, ты лох... – покачал тот головой. – Короче, Людмила Григорьевна попросила взять твой номер, а ты, лох такой, его не дал. Кому!.. Самой Арефьевой.

Да, точно, Людмила Арефьева, Степа наконец вспомнил ее фамилию.

– Почему не дал? – удивился Степа. – Девятьсот тринадцать, семьсот тридцать три, пятьдесят шесть, пятнадцать... А зачем ей мой номер?

– Вот и я думаю – она без твоего номера отлично проживет. Так что – не забудь, ты номер не дал. Отказался! В гру-

бой форме!

Степа растерянно смотрел парню вслед.

* * *

...На какое-то время сон его ушел. Степа вечером ложился спать, засыпал и просыпался минут через сорок. И лежал в темноте, думал, думал, утыкаясь всё в ту же стену.

Пару дней назад ему позвонила Людмила Григорьевна.

– Степушка, как твои дела? – спросила она спокойно и ласково.

Степа поздоровался, помолчал и нажал отбой. Что он может сказать народной артистке, так любившей его все годы обучения, поставившей на него дипломный спектакль? Искавшей и нашедшей роль, в которой он, Степа, топор топором, даром что самый красивый топор, был хорош и убедителен? Что он ей теперь скажет? Что дела его плохи? Что он в тупике? Что прошло два года с выхода фильма и он никому не нужен – никому вообще? Что всё так запуталось, что лучше бы не было этого его лица, с которого воды не пить, которым он не умеет торговать... Что еще ему говорили про его лицо? Чего только не говорили... Расписываться в своей слабости и рассказывать о неудачах он не будет.

Людмила Григорьевна звонить больше не стала, написала ему в сообщении лишь одно слово: «Зря». Еще минут через пятнадцать она написала: «Я тебя люблю, как сына, ты зна-

ешь. Звони в любое время». И Степа бы позвонил, прямо сейчас. Но что он ей скажет?

На курсе он был героем, как Арефьева и обещала ему. Во всех отрывках играл хорошие, большие роли. В дипломном спектакле – главную роль. Гамлет... Многие всю жизнь мечтают об этой роли. Степе до последнего казалось, что он не справится, не вытянет роль. Или так казалось тем, кто тоже хотел играть Гамлета, а таких ребят было как минимум трое, Степа постоянно слышал смешки, издевки, многие так и не смирились, что Арефьева была к нему равнодушна. Чего только не приплетали за годы учебы! Начиная с того, что он ее любовник, и заканчивая тем, что на самом-то деле он ее внебрачный сын, которого она много лет скрывала. Никто ничего не видел, и доказать было невозможно, потому что ничего и не было, кроме теплой дружбы и заботы Людмилы Григорьевны, но болтали всё что хотели.

Тот парень, который назвал его «лохом» после прослушивания на поступлении, оказался молодым педагогом. Именно ему пришлось исправлять дефект Степиной дикции, присвистывающий звук «с». Возможно, будь кто другой на этом месте, дефект бы и удалось исправить. Анатолий Сергеевич же, преподаватель техники речи, невлюбил Степу так, что тот после его занятий физически чувствовал себя плохо. Сколько раз Степа хотел что-то с этим сделать, поговорить серьезно с педагогом, разобраться, всё хотел поделиться с Людмилой Григорьевной, но так и не собрался. Экзамен по

сценической речи он сдал, поставили ему твердую четверку за красивый голос и хорошую, четкую дикцию... если не учитывать свистящее «с». Людмила Григорьевна, проболевшая весь четвертый курс, приходившая в академию редко, отвела его в сторону после экзамена и сказала:

– Всё равно этот дефект тебе нужно убирать. Я всё понимаю, Толя тебя закапывал, мне говорили. Ты не жаловался, другие пожаловались за тебя. Но ссориться я с ним не могла, прости меня. Он мальчик блатной, на этом месте не случайно, уже завкафедрой, хотя ему тридцати пяти нет. Ты знаешь – денег у нас никаких, но здесь люди не за деньги работают. Ему прочат повышение – прямо высоко-высоко. Еще удивимся с тобой, куда Толя пролезет. Точнее, куда его протолкнут. Придем завтра с тобой, а перед Толей красную дорожку раскатывают, кланяются в пояс. А он нам с тобой говорит: «Иди-ка ты, Людок, отдыхай. Дыши воздухом в ближайшем Подмосковье, сажай свёклу. И у любимчика твоего белый билет, забирай его с собой». Так что, Степушка... В кино тебя озвучат, вот мне хорошую роль для тебя друзья обещали... А как с театром быть – непонятно. Для комика еще куда ни шло так разговаривать, а для героя...

Степа был рад, что учеба подошла к концу. К своему дефекту речи он серьезно не относился. На четвертом курсе его стали приглашать сниматься – в фоторекламе, в дипломный фильм выпускника ВГИКа, который тут же получил премию на небольшом кинофестивале. Сниматься ему

понравилось гораздо больше, чем работать на сцене. На съёмочной площадке, где всё можно переделать, сыграть еще раз, а то и ничего не играть – просто смотреть в ту точку, куда попросили, он чувствовал себя гораздо свободнее, чем на сцене.

– Расскажи-ка мне, сынок, чем ты занимаешься, – подступился к нему отец, когда после долгого перерыва Степа приехал к родителям, сдав госэкзамены.

Тогда еще не было Мазорова, не было его знаменитого фильма «Игра», после которого всё должно было прийти к Степе, а произошло всё в точности наоборот... Тогда еще можно было спокойно пройти по улочками своего города.

Когда долго не приезжаешь домой, то поначалу кажется, что всё стало меньше: улицы – уже, дома – ниже. Потом этот послемосковский эффект проходит.

На улице, где жили родители, оставались еще деревенские дома рядом с обычными четырехэтажками. Два соседних старых дома, в одном из которых когда-то жила девочка Тоня, которая очень нравилась Степе в школе, снесли. Новый хозяин на двух участках выстроил страшненький замок, темно-серый, с ярко-фиолетовыми башенками, узкими высокими окнами. Из такой башенки как глянет на тебя злая волшебница разными глазами – черным и зеленым... И ты поймешь – вот что случилось на самом деле с Тоней... И во все она не уехала в Москву за ненадежным столичным счастьем... И во все она не загуляла, не изменилась так, что луч-

ше бы ее не встречать, не знать, что стало с милой тонкой девушкой с пепельными волосами и такой светлой улыбкой... Просто ее забрала волшебница и заколдовала. Мать смеялась: «Хорошо, что ты, Степик, вырос. Ты же у меня впечатлительный мальчик, представляю, как бы ты нервничал из-за этого замка в детстве...»

Степа гулял по городу и замечал, что изменилось за тот год, когда он никак не мог приехать к родителям, вырваться, хотя ехать не так уж и долго. Городок их находится в стороне от железной дороги, прямой автобус из Москвы идет в очень неудобное время, долго, колесит по области, и всего раз в день. Поэтому добираться надо на перекладных. В прошлом году Степа первый раз приехал к родителям на своей машине. А в тот раз ехал еще на трех автобусах.

В центре города был старый кремль, который начали было восстанавливать, заменили тротуары вокруг, подновили купола, прорыли ров для новых коммуникаций, да так и бросили, закончились деньги. Приезжающие туристы с опаской обходили ров, фотографировали кремль с лесами, ставили все в Сеть, сделав плохую рекламу их и без того не очень популярному для гостей старинному городку. Может, оно и неплохо, что людей стало в разы меньше, но постепенно обветшали и закрылись не только все производства, но и три из пяти маленьких гостиниц, несколько кафе, лавки с сувенирами.

Степа вышел к небольшому озеру, на берегу которого ко-

гда-то поселились те, кто заложил их город. В детстве он с мальчишками проводил на этом озере всё лето, май и сентябрь. Но постепенно выход к воде то здесь, то там закрывали. Частные дома не разрешали строить прямо на берегу, но кто же в то время слушался этого запрета!.. Часть приозерной территории принадлежала местному бандиту Купцу, Витьке Купцову, учившемуся когда-то вместе со Степным отцом в школе. А соседствовали с ним местные прокурор и начальник полиции, с двух сторон, словно охраняя Купца. Заборы не доходили до воды на полтора метра – закон вроде никто и не нарушает. Можно было, конечно, и с воды подплыть, и по берегу пройти... Но кому придет в голову зайти в гости к Купцу или прокурору. Как-то сунулись было китайские туристы, вовремя унесли ноги от собак и охраны. В Интернете потом долго ходило видео – как бегут китайцы в ярких панамках, под зонтиками, а за ними – вооруженные люди и овчарки. Каким-то чудом никого не покусали, но у экскурсовода были большие проблемы – думать надо головой, соображать, куда водить иностранцев, а куда нет.

В последние десять лет озеро стало грязным, кто-то спускал в него канализацию, и очистные сооружения не помогали. Родители советовали Степе в воду не лезть. Родители вообще много хороших советов Степе давали, только он их не слушал.

– Так чем же ты занимаешься, сынок? – спросил тогда отец, внимательно прочитав Степин диплом и отложив его в

сторонку. – Всё прыгаешь да скачешь? А работать когда?

– Так я артист, пап... – растерялся Степа.

– Ну, хорошо. А где работать будешь?

Степа нахмурился. Это вопрос. Пока с их курса в театр взяли одну девочку, и то в такой театр, о котором никто не слышал. На выпускном капустнике главной темой их номеров было, где же они, бедные безработные артисты, будут зарабатывать свою копеечку. Степа тоже участвовал в капустнике, хотя он один из выпускающихся шестнадцати ребят и девчонок уже снимался в рекламе и короткометражке, поэтому на него смотрели косо, впрочем, как обычно. Поводов для этого было предостаточно. В больших двух-трёхдневных пьянках в общежитии, с ночными драками, проститутками, кокаином, которые регулярно происходили по поводу и без, он участия не принимал. Арефьева на самом деле к нему относилась, как к сыну, а некоторые упорно считали, как к фавориту. Девочки почти все пытались как-то с ним сблизиться, но доходили до стадии «лучшая подруга» и дальше упирались в вежливый отказ.

Был даже и влюбленный в Степу педагог, который вел у них два года общеобразовательный предмет. Педагог тоже обхаживал Степу, оставлял его после семинаров на душевные разговоры, приглашал в поездки по Золотому кольцу и в подмосковное шале с баней и, разочаровавшись Степиными отказами, холодностью и неприступностью, поставил ему на экзамене тройку, лишив стипендии на семестр. Но поставил

же...

– Ты такой красивый, Степка, – сказала напоследок ему Вера, единственная девушка, с которой он хотел бы жить, просыпаться рядом с ней утром, мечтать о детях, путешествовать.

С ее лба он сдувал легкую светлую челку, Веру можно было взять на руки, не ощущая ее веса – в ней не было веса, один свет, нежность, тонкий сладкий запах земляники. Таких духов нет, невозможно сделать такие духи. Так может пахнуть только нежная, чистая, девичья кожа.

– Красивый. А что мне с твоей красотой делать? С лица воды не пить... – Сказала и ушла.

Степа не стал ее останавливать, потому что Вера уже один раз уходила от него, но вернулась. И теперь он думал, что пройдет неделя, другая, может быть, месяц, и она соскучится, потому что она точно его любила не меньше, чем он ее. Но через месяц Вера, художница по костюмам, окончившая в прошлом году институт, вышла замуж за молодого продюсера, армянина, уже участвовавшего в выпуске нескольких телевизионных сериалов и теперь организовавшего свою собственную продюсерскую компанию.

Для Степы Верино замужество оказалось последней каплей. После этого он стал каждый день покупать вино – деньги на вино и закуску у него еще оставались. И пытался напиваться. Первые дни это было даже весело. Степа включал телевизор, разговаривал с телеведущими, потом подступа-

ла горечь, тоска, он оставлял включенным телевизор, а сам засыпал, и ему казалось, что в квартире много народу, кто-то смеется, кто-то громко говорит, спорит... Но дней через семь-восемь организм его сказал: «Хватит!» И весело от вина ему больше не было никогда. Сразу накатывались тоска, ужас, чем больше он пил, тем тоскливее и безвыходнее представлялась ему его жизнь.

Степа пытался менять напитки. Коньяк – не помогал. Пять минут тепло, вот-вот наступает хорошее настроение и... всё. Слезы и тоска. Вино – тем более. Сколько его надо выпить, чтобы упасть в крепкий, долгий сон, из которого так мучительно выбираться на белый свет. Водка – болит от нее желудок. Степа пробовал есть, заедать плотной закуской, но вместо опьянения и забытья его тошнило, и потом долго болела печень. Степа вспомнил, как в общежитии парни делали «ёрш», мешали пиво и водку, это очень быстро действовало. На него тоже быстро подействовало, только в другом смысле. Ему стало так плохо, что неделю пришлось не пить вообще ничего.

– Зачем ты пьешь? – вдруг спросила его сегодня та самая соседка, которая живет с сыном и которую зовут, как и его любимую девушку, Верой.

Степа и внимание обратил на нее первый раз, когда услышал, как консьержка окликнула ее по имени-отчеству. Вера Артемьевна... Плотное, теплое, изящное имя, как шарфы, которыми она оборачивает свою нежную длинную шею...

– Так зачем?

От этого вопроса Степа очень растерялся. Откуда она может знать, что он пьет? Он же пьяный по подъезду не ходит, окурки не собирает, он по-прежнему хорошо одет, из окна песни не орет. Когда пьяный, то просто плачет дома, и всё.

Степа не нашелся что сказать.

– Ведь это ты снимался в «Игре»?

Степа кивнул.

– Да? Непохоже. Там совсем другой человек.

– Меня там в шатена покрасили... – пробормотал Степа.

– Да дело не в шатене...

Соседка с такой жалостью посмотрела на него, что Степе стало не по себе. Это не очень приятное ощущение. Красивая, тонконогая, с высокой грудью, так хорошо говорит, приятное свежее лицо, и смотрит на тебя с жалостью...

– У него уши торчат! – громким шепотом объяснил ей сын, который на секунду оторвался от телефона. – А в фильме не торчат!

Степа улыбнулся.

– Да. В этом дело.

Соседка тоже улыбнулась, но как-то непонятно, тоже как будто с жалостью.

– Ну, если только в этом... А что пьешь-то?

– Разное... – пробормотал Степа, готовый провалиться сквозь землю. И как назло лифт никак не идет...

– Нет! – засмеялась соседка, и Степа даже засмотрелся,

какая у нее красивая улыбка. – Я имею в виду – почему пьешь? Прости, конечно, за такой вопрос.

Степа не знал, как к ней обращаться – на вид ей лет как ему... Двадцать семь, двадцать восемь... Но тыкать как-то неловко. А она разговаривает с ним на «ты», но не как с другом, а как разговаривают с собакой или, на худой конец, врач с пациентом... Может быть, она врач и привыкла так общаться?

Степа от неловкости лишь махнул рукой и вышел из подъезда, благо рядом с дверью лифта был и черный ход. Когда дверь уже почти закрылась, Степа обернулся и сказал Вере:

– Это не я.

– Нет? – засмеялась соседка. – А все говорят, что ты.

– Нет, – покачал головой Степа. – Точно не я. Не я снимался. Просто похож.

Соседка продолжала смеяться, переливчато, весело. Степе стало ужасно обидно. Из-за чего она сейчас смеется? Вернуться, спросить? Он помедлил у закрывшейся двери и пошел прочь от подъезда. Если бы вернуться назад... А в какую точку? Он часто теперь об этом думает – куда надо вернуться, чтобы всё пошло по-другому.

Степа шел мимо стройки, начавшейся, как только он заехал в дом. Дом, в котором была его квартира, был построен у сквера. Новостройка так и называлась: «Поместье у сквера». Почему «поместье», Степа понять не мог. Дом торчал как толстый гвоздь посреди района – двадцатисемизэтажный,

простой, серо-белый, с одинаковыми квадратными окнами, одним подъездом и двумя входами – парадным и черным, из которого он сейчас убежал от смеха и вопросов соседки Веры. Такое редкое имя. И встречается ему уже второй раз. Зачем? Чтобы он поверил ей, как поверил той Вере... Та – Вера Маратовна. Эта – Вера Артемьевна. Те же самые буквы, перемешаны по-другому. Но ведь они совсем разные, эти женщины. И чем-то очень похожи. Нежностью, светом, загадкой... Только его Вера – крохотная, как Дюймовочка, а эта Вера – высокая, почти с него ростом, когда на каблуках. Почему она смеялась ему вслед?

Женщины часто смеются по совсем непонятным причинам и не смеются, когда на самом деле смешно. Как счастливо смеялась его Вера, как смотрела на него – до самого последнего дня. И ушла, ничего не сказав. Не просто ушла – замуж вышла! Степа видел в Инстаграме ее фотографии с мужем. Счастливое хохочущее лицо, нежные губы, светящиеся от счастья глаза...

Степа помотал головой. Не хочется сейчас думать об этом. Со стороны стройки раздавался страшный грохот. Сквер спилили за два дня и месяц рыли землю, чтобы сделать котлован. Рыли и увозили землю – на их улице стояла вереница грузовиков, которые по капельке увозили почву, чтобы залить на ее место бетон. Котлован получился такой огромный, что можно было подумать – это для не фундамента дома, а для того, чтобы построить подземный дом. Кто-то из

соседей объяснил Степе, что дом будет пятидесятиэтажный, и гараж, соответственно, пятиуровневый... А теперь вбивают сваи – сколько нужно вбить их в землю и каких! – чтобы выдержали такую махину... Судя по расположению котлована, новый дом полностью перекроет Степин, и солнца не будет в квартире никогда. Сейчас солнце есть, с двенадцати и до вечера. Можно сидеть и смотреть в окно, наблюдать, как солнце идет по небу, медленно и неумолимо, и ничто и никогда не заставит его повернуть обратно...

Степа брел, особенно не разбирая дороги. Шел и шел. Приблизительно как по жизни. Только вот жизнь его затормозила и заставляет что-то менять, что-то решать, в чем-то разбираться. А он совершенно к этому не готов. Ведь так не должно было быть. Шло-то поначалу все нормально!

Он окончил девять классов, училище, отслужил в армии, сразу поступил в театральный, полгода тыркался туда-сюда, работал в одном небольшом театре, на разовых в другом, денег было мало, но несколько раз выручали реклама и Людмила Григорьевна, которая иногда подкидывала ему халтурку – Степа помогал ее знакомой на открытиях выставок. А потом наступил тот день, которого ждут все актеры. Кто-то дожидается и понимает – он всегда знал, что это придет. А кто-то не дожидается, хотя он всегда знал, что такой день обязательно наступит, когда ему позвонят и скажут – вас на пробы на главную роль, один вы и остались, всех остальных уже посмотрели и забраковали.

Степа вспомнил, как он ехал на пробы к Мазорову. Может быть, это и есть та точка, когда нужно было свернуть, уйти с этого пути вообще? Ведь у него были тогда сомнения. Он все думал, что же именно ему могут предложить, если даже главную роль, то какую? Он уже знал обо всех своих особенностях, из-за которых в театре, что в одном, что в другом, ему было некомфортно. На курсе этого как-то не чувствовалось благодаря Людмиле Григорьевне, которая и не скрывала своего пристрастного отношения к нему, мало того, всегда, смеясь, говорила, что художник по природе своей пристрастен и субъективен, и у некоторых людей творческие ошибки интереснее, чем чьи-то удачи. Степе эта фраза казалась совершенно загадочной, как, впрочем, и многое из того, что говорила Людмила Григорьевна и другие педагоги.

Вдаваться в тонкости профессии, читать что-то он не хотел, как и многие его товарищи. Читали в основном те, кто собирался дальше учиться, становиться режиссерами или продюсерами. А актеру иногда лучше не знать целиком всего о спектакле. Актерская душа и тело – живой инструмент, и есть вещи, которые происходят подсознательно. Чтобы быть органичным, нужно во всем оправдать своего героя, как почти всегда оправдываешь себя в жизни. Начнешь себя ругать и вовремя не остановишься – погибнешь.

Степа хорошо помнил, как он шел тогда по территории знаменитого «Мосфильма», оглядываясь. Нет, никаких известных лиц он не видел. Кругом очень хорошие машины,

что-то перестраивают, какие-то корпуса обветшали... Потом он долго плутал по бесконечному корпусу, поднимался по лестницам, шел по переходам, сильно опоздав к назначенному времени. Когда нашел нужную комнату, там уже сидело человек восемь – на черном ободранном диване, на стульях у стены и за столом.

– А! – сказала ассистентка. – Пришел. Так, погоди... Ты же у меня Васильков, правильно? Васильков, Васильков... – Женщина с любопытством его разглядывала. – Да-да-да... Степан, правильно?

Степа кивнул. Лучше помалкивать до поры до времени. Дефект речи могут сразу и не заметить. Одно время он пытался ловко выбирать слова, где нет звука «с», научился быстро переделывать на ходу все предложения. Но иногда это мешало ему общаться с собеседником. Поэтому он просто стал говорить меньше. Переучиться и правильно говорить «с» у него так и не получилось. Он несколько раз дополнительно занимался с преподавателем техники речи, не с Анатолием, с другим, делал упражнения, но то ли мало старался, то ли что-то не срабатывало – механизм запоминания нового никак не включался, и, сколько бы он ни занимался, ни говорил скороговорок, его свистящее «с» так и свистело, спотыкалось на зубах, меняло серьезные сцены, делая их смешными, на радость однокурсникам, которые не устали за четыре года обучения смеяться над Степиным дефектом. Театральные же роли после окончания института у него бы-

ли такие ничтожные, что дефект его не мешал.

В одном театре он в утреннем детском спектакле играл медведя, который время от времени ходил по сцене и рычал. У него была неожиданная задача – текст на самом деле был написан, но режиссер просил этот текст не говорить совсем. Запомнить, но все слова заменять рыком. Это было очень смешно, дети радовались, партнеры – тоже. Степа уставал от этой роли невыносимо. Казалось бы – отчего тут можно устать? Не шпалы носить, не уголь копать... Все смеются... Но после того, как он полтора часа рычал на сцене, Степа старался как можно больше со всеми разговаривать. Говорил, говорил, просто так, чтобы говорить, словно боялся забыть речь... Ведь так удобно и даже приятно в какой-то момент издавать только страшные нечленораздельные звуки. В голове что-то отключается, ты словно перестаешь быть самим собой. Потом наваливались усталость и тоска, как от вина. Степа прорычал так всю осень и зиму – спектакль играли в каникулы и в выходные, зал был крохотный, поэтому играли часто, – и ушел.

Во втором театре у Степы трудовую книжку не взяли, но зато сразу дали роль в пьесе Чехова. Он ее репетировал три месяца, пытаясь понять, почему же герою всё время так грустно и грустно – любить грустно, есть грустно, писать письмо грустно, гладить собаку грустно... Кажется, понял. Нашел что-то созвучное в своей душе. Режиссер его хвалил. А потом вернулся со съемок в Казахстане другой актер, за

два дня ввелся, и Степа сел в зал. Сидел два месяца, слушал, смотрел, запоминал новые мизансцены, пришел на премьеру, на второй спектакль, который мог бы сыграть он по закону театра, который никто никогда не соблюдает – нет в творчестве законов, на то оно и творчество, а не бухгалтерия... И... опять ушел, чтобы не провалиться надолго в глубокую вязкую яму депрессии, где нет света, нет смысла, нет дороги. Сидеть молча, без движения, никому не нужным и не интересным, шесть часов в зале, ничего не делая, было просто невыносимо. Стоять в сторонке на премьере, которую ты не сыграл, – тоже. Режиссер тогда ему сказал, пожимая руку на прощание: «Я тебя понимаю, давай, ищи себя! Попробуй, может, в мимансе что-то выйдет? Ты красивый, пластичный... К глухонемым сходи, у них театр хороший...»

– Кофе будешь? – спросила помреж и подмигнула ему. – Красивый ты... Даже лучше, чем на фото. Я думала, в фоторедакторе себя сделал... – Она заглянула в соседнюю комнату. – Петр Андреич! Пришел Васильков!

– Пусть зайдет! – услышал Степа хорошо знакомый голос, с легкой хрипотцой, с легкой ленцой, с легкой усталостью от всего и вся, которая так привлекательна, так загадочна... Сколько же у него было всякого за сорок лет, если он уже так устал...

Степа молча зашел и улыбнулся.

– Опа! – сказал Мазоров. – Абсолютный герой! Давай еще раз. Кстати, привет.

Степа не понял, что именно «еще раз», и на всякий случай опять улыбнулся.

– Шикарно. Вот так и стой!

Степа в замешательстве провел руками по волосам. К нему подошла женщина и, ни слова не говоря, убрала ему волосы со лба, пребольно зажав их руками.

– Так? – спросила она Мазорова.

Тот скривился:

– Не-а.

Женщина ловко перекинула волосы на одну сторону.

– Так?

– Не-а. Не блондин он. Не вижу блондина.

– Искали же блондина, Петр Андреич...

– Раньше видел, теперь не вижу.

– Покрасим, Петр Андреич.

– Ага... Повернись-ка спиной... Давай-давай! – Мазоров небрежно махнул рукой.

Он разглядывал Степу, и все остальные разглядывали его, а тот не знал, куда деваться от смущения. Конечно, он дипломированный актер, и Гамлета играл в дипломном спектакле, плохо, но играл, и Чехова репетировал, и сорок раз медведя изображал, но зачем же так-то? Как будто он конь, а не человек... И коню бы было обидно...

Степа оглянулся, увидел свободный стул у стены и сел.

– Вот так, значит? – засмеялся Мазоров, и за ним – все остальные. – Характер? Это хорошо. Когда ваш товарищ со-

всем без хребта... Наш товарищ, – поправился он. – Это не катит. Хотя с характером тоже не катит. Ну, поговори. Давай, давай!..

Степа удивленно взглянул на Мазорова. Не таким он себе его представлял. Мазоров всегда играл таких замечательных людей, душевных, теплых, открытых...

– Расскажи о себе, – кивнул ему Мазоров. – Хочу послушать, как ты говоришь. Ну?

– Я окончил ГИТИС... – начал Степа.

– Что сделал? – захохотал Мазоров.

Степа замолчал.

– А как же ты окончил-то с таким дефектом речи? Ты не придуряешься?

Степа помотал головой, встал и хотел уйти.

– Куда-а-а... Ну-ка, девки, в дверях встаньте и молодца этого мне не выпускайте. Ладно, придумаем. Озвучим. Отжаться можешь? Бегаешь, прыгаешь? Или каскадеров вызывать будем?

– Шестьдесят раз, – сказал Степа.

– Что «шестьдесят»? – не понял Мазоров.

– Отжимаюсь шестьдесят раз, – как можно твёрже повторил Степа.

– Ну, шестьдесят не надо, – ухмыльнулся Мазоров. – Машину водишь?

– У меня нет машины.

– Так и у меня нет машины! – засмеялся режиссер. – Раз-

ве это машина? Так, развалюшка какая-то... старье прошлогоднее... Не водишь, значит?

Степа опять помотал головой.

– Ты правильно делаешь, что помалкиваешь, – кивнул Мазоров. – У кого учился?

– У Арефьевой он учился, – подсказал кто-то.

– Что ж тебя Людмила Григорьевна с таким дефектом выпустила? – покачал головой знаменитый режиссер. – Ну, ладно. Жаль. Тембр у тебя красивый. Если б таким голосом говорил мой герой, я бы не отказался. Ну что, давай мы тебя на всякий случай поснимаем...

Мазоров кивнул помрежу, та – ассистенткам, те тут же сорвались с места, побежали готовить свет.

– А то вдруг снимем тебя, а ты другой какой-нибудь окажешься. Ты работаешь, кстати?

– Нет. Сейчас нет.

– Вот и хорошо. Нам это даже удобно. А как снимешься у меня – если я буду тебя снимать, конечно, – Мазоров подмигнул Степе, – то и все театры за тебя драться будут.

– А... какая роль? – Степа решил всё-таки спросить. Не оказался бы опять какой-нибудь медведь... С нечеловеческим рыком.

Мазоров прищурился:

– А ты какую бы хотел?

Степа понимал, что знаменитый Мазоров – сам актер, и неплохой, о чем он думает на самом деле – не поймешь. О

чем думает, что хочет сказать, что имеет в виду... Ничего не поймешь. На всякий случай отвечать тогда Мазорову не стал. Да и не такой он дурачок – понятно же, раз все собрались и смотрят, раз ищут и ищут и найти не могут, двадцать девять претендентов уже забраковали, значит, роль-то небольшая, важная, скорее всего – положительная. На отрицательного героя его не позовут.

Степа свернул из дворов в парк, шел теперь по широкой аллее, усыпанной листьями, и думал, что, наверное, самая большая загадка живой природы – это наш мозг. Но есть еще бóльшая загадка – наша душа. Мозг силится понять, что такое он сам, что такое душа, есть ли она вообще, нисколько не сомневаясь, что он-то сам есть... Раньше Степа не любил таких размышлений. А сейчас не может не думать. Почему? Что изменилось в нем? Уперся в стену? Приближаются тридцать лет, первые итоги?

Вот куда он сейчас идет, зачем? Почему раньше вопрос «зачем?» не приходил ему в голову? Откуда вообще приходят вопросы в нашу голову?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.